

К.А. Куприна

Из книги «Куприн — мой отец»

Война

А.И. Куприн в 1914 году искренне поверил в священную войну во имя спасения Родины от «гуннов». Немало было в то время писателей и поэтов, в том числе и либерально настроенных, поющих гимны войне. Многие стали офицерами. Куприна как поручика в запасе призвали на службу. В начале войны он пишет одноактный водевиль «Лейтенант фон Плашке», высмеявший немецкий милитаризм, и сонет «Рок»:

За днями дни и каждый день все то же:
В грязи... в снегу... под ревом непогод.
Без сна... без смены, вечно насторожен,
Забывший времени обычный счет...
Ложась под нож, на роковое ложе,
Бесстрашно смерть встречая в свой черед,
Великий подвиг совершает, Боже,
Смиранный твой, незлобивый народ!
Без хитрости, корысти, самоменья,
О завтрашнем не помышляя дне,
Твои он исполняет повеленья,
Не ведая в губительном огне,
Что миру он несет освобожденье
И смерть войне.

Странно перекликается у зрелого Куприна этот сонет со стихотворением пятнадцатилетнего кадета Саши Куприна «Боец», написанным в карцере в 1885 году.

С светлой душою я шел на сраженье,
Знамя высоко держал.
Чувствовал юной я крови волнение,
Силу в себе ощущал...
Бился я долго за правду святую,
В жертву принес ей себя.
Бился за Родину я дорогую,
Бился, народ, за тебя.
Братья! Я гибну... Возьмите же знамя,
Встретьте без страха врагов.
Слезы народные, братья, за вами,
Горькие слезы и кровь.

В нашем доме был устроен госпиталь. В большую комнату, которая служила нам гостиной и столовой, поставили десять коек, а в соседней, маленькой комнатке была устроена перевязочная.

<...> В этот период Куприн явно идеализирует взаимоотношения солдат и офицеров.

<...> По мнению начальства своего, все функции Куприн выполнял аккуратно, точно и незамедлительно.

...Его положительно <...> обожали солдаты за простое, доверчивое к ним отношение, за внимание к личным особенностям каждого подчиненного, за исключительную отзывчивость и заботы, а также за живой и мягкий характер.

Исполнение обязанностей строевого офицера давалось Куприну нелегко. «В строю ходить с солдатами еще могу, но делать “перебежки” — невозможно... Задыхаюсь. Да и нервы стали пошаливать... Хочу что-нибудь сделать и забываю или делаю совершенно другое... Простой бумажки составить не могу. Надо мной и то смеялись, говорили, что после «Сатирикона» самое смешное — мои рапорта, а я писал совершенно серьезно.

<...> Сам я ничего сейчас не пишу. Принимаюсь за рассказ и скоро обрываю работу. Я занят и по-настоящему увлечен военными уставами», – рассказывал Александр Иванович Василию Регинину, приехавшему по поручению газеты «Биржевые ведомости» в Гельсингфорс.

<...> Пробыв семь месяцев в Финляндии на военной службе, отец заболел и был помещен в Николаевский военный госпиталь. Мама, взяв меня с собою, по просьбе отца поехала в Гельсингфорс. Вскоре мы вернулись в Гатчину.

1918 год

<...> В июне 1918 года отец, совершенно не учитывая обстановки, выступил в газете «Молва» со статьей под названием «Михаил Александрович» в защиту великого князя Михаила. Лично отец никогда с ним не был знаком, но многое о нем слышал <...>

В своей статье он пишет: «Почти все Романовы были мстительны, эгоисты, властолюбивы, неблагородны, двуличны, жестоки, трусливы, вероломны и поразительно скупы. В М.А. нет ни одной из этих наследственных черт».

От себя редакция «Молвы» прибавила к статье: «Помещая эту статью А.И. Куприна, редакция оставляет ее на ответственности высокоталантливого автора».

Иногда гатчинские обыватели собирались у нас поиграть в преферанс. Так было и в тот вечер, когда раздался звонок и пришли арестовать моего отца. Обыск продолжался долго, я уже спала, когда в детскую комнату заглянули чужие лица, а за ними бледная, но восхитительно спокойная мама. Партнеров в преферанс отпустили с миром. Отец с юмором вспоминал, что «по торопливости ни один из них не попрощался с хозяевами» и что «большевики оказались людьми гораздо более светскими».

Утром, когда я проснулась, в доме не было ни мамы, ни папы. Я осталась на попечении Катерины, нашей бывшей кухарки, и герцога Альбы, черного пуделя. В течение трех дней мама иногда появлялась, успокаивала меня и снова летела в Питер.

Газета «Наш век» 2 июля 1918 года писала:

«По постановлению следственной комиссии при революционном трибунале в ночь на первое июля в Гатчине у себя на даче был арестован А.И. Куприн. Приводим текст постановления следственной комиссии об его аресте:

Следственная комиссия, рассмотрев фельетон А.И. Куприна, помещенный в № 15 газеты «Молва» от 22 июня 1918 г., и принимая во внимание:

- 1) что бывший великий князь Михаил Александрович с самого начала Российской революции выдвигался монархическими партиями, как кандидат на престол взамен свергнутого Николая II и т. д.,
- 2) что означенный фельетон, являющийся публичным восхвалением личности М. А., носит характер явной тенденции и т. д., и подготавливает почву для восстановления монархии,
- 3) что при таких обстоятельствах фельетон А.И. Куприна является прямым вызовом революционной демократии и актом контрреволюции.

Следственная комиссия постановила привлечь А.И. Куприна к уголовной ответственности за помещение в газете «Молва» фельетона контрреволюционного направления. Мерой пресечения для него избрать заключение под стражу.

Распоряжение об аресте А.И. Куприна было передано Гатчинскому Совету. Около 12 часов ночи несколько членов этого Совета явились на дачу А.И. Куприна, произвели здесь тщательный обыск, продолжавшийся свыше 3 часов, а затем арестовали писателя.

По окончании обыска, уже на рассвете, А.И. Куприн был доставлен в гатчинский совдеп, в помещении которого он провел остаток ночи. Утром к нему пришла жена, которая принесла ему чай и пищу. Здесь арестованный оставался весь день 1 июля. Днем его тут снова посетила жена. Комендант Революционного трибунала передал жене писателя, которой личного свидания с арестованным писателем не разрешили, чтобы она доставила мужу подушку и одеяло. По словам жены А.И. Куприна, во время обыска и затем в гатчинском совдепе обращение с ее мужем было самое корректное.

Собрались перевести в Выборгскую одиночную тюрьму».

За этими сухими строками я вижу мою маленькую маму, следующую с тревогой в сердце за отцом по всем этапам и готовую на все. Она стояла в толпе часами, чтобы мельком ободрить отца улыбкой, когда его перевозили.

<...>4 июля в газете «Вольность» появилась статья «Освобождение Куприна».

«Лично писатель не был знаком с князем Михаилом Александровичем — единственная связь, существовавшая между ним и б. князем, заключалась в том, что детям А.И. Куприна и детям М.А. преподавала французский язык француженка Барле.

В восстановление монархии в России А.И. Куприн абсолютно не верит и лично является противником всякой власти. Власть одного человека над другим — это духовное нищенство.

Редактор “Вольности” Амфитеатров».

Итак, арест длился недолго, всего три дня. Отец содержался в прекрасных условиях, комендант и стражники были с ним крайне учтивы, но арест нанес Куприну моральную травму.

1919 год

Октябрь 1919 года принес новое испытание защитникам Петрограда, большие невзгоды населению Гатчины. Белая армия генерала Юденича 11 октября перешла в наступление на Нарвском направлении и рвалась к Петрограду.

Поползли всевозможные тревожные слухи. Вот что писал сам Куприн о своем последнем дне в Советской России:

«Встал я, по обыкновению, часов около семи, на рассвете, обещавшем погожий солнечный день, и, пока домашние спали, потихоньку налаживал самовар.

Этому мирному искусству — не в похвалу будь мне сказано — я обучился всего год назад, однако скоро постиг, что в нем есть своя тихая, уютная прелесть.

И вот только что разгорелась у меня в самоваре лучина, и я уже готовился вставить коленчатую трубу, как над домом ахнул плотный пушечный выстрел, от которого задребезжали стекла в окнах и загрохотала по полу уроненная мною труба. Это было посерьезнее недавней отдаленной канонады.

Я снова наладил трубу, но едва лишь занялись и покраснели угли, как грянул второй выстрел. Так и продолжалась пальба весь день до вечера, с промежутками минут от пяти до пятнадцати.

Конечно, после первого же выстрела весь дом проснулся. Но не было страха, ни тревоги, ни суеты. Стоял чудесный, ясный день, такой теплый, что если бы не томный запах осыпающейся листвы, то можно было бы вообразить, что сейчас во дворе конец мая.

Я не знал, куда девать времени, так нестерпимо медленно тянувшегося. Я придумал сам для себя, что очень теперь необходимо вырыть из грядок оставшуюся морковь. Это было весело. Корни разрослись и крепко сидели в сухой земле. Уцепишься пальцами за головку и тянешь: нет сил. А как бахнет близкий пушечный выстрел и звякнут стекла, то поневоле крикнешь и мигом вытащишь из гряды крупную, толстую красную морковину. Точно под музыку.

Не сиделось десятилетней дочери. Она, зараженная невольно общим сжатым волнением и возбужденная красивыми звуками пушек, с упоением помогла мне, бегая с игрушечным ведром из огорода на чердак и обратно. Время от времени она попадала в руки матери, и та, поймав ее за платье, тащила в дом, где уже успели забаррикадировать окна тюфяками, коврами и подушками. Но девочка, при первой возможности, улизывала опять ко мне. И так она играла до самого вечера.

Куда била Красная Армия — я не мог сообразить: я не слышал ни полета снарядов, ни их разрывов. Только на другой день мне сказали, что она обстреливала не Варшавскую, а Балтийскую дорогу. Вкось от меня.

Белые молчали, потому что не хотели обнаружить себя. Их разведка выяснила, что путь на Гатчину заслонен слабо. И надо еще сказать, что Северо-Западная армия предпочитала опасные ночные операции дневным. Она выжидала сумерек.

И вот незаметно погустел воздух, потемнело небо. На западе протянулась узенькая семговая полоска зари.

Глаз перестал различать цвет моркови от цвета земли. Усталые пушки замолкли. Наступила грустная, тревожная тишина. Мы сидели в столовой при свете стеаринового огарка — спать было еще рано — и рассматривали от нечего делать рисунки в словаре Брокгауза и Ефрона. Дочка, первая, увидела в черном окне зарево пожара. Мы раздвинули занавески и угадали без ошибки, что горит здешний совдеп, большое старое, прекрасное здание с колоннами, над которым много лет раньше развевался штандарт и где жили из года в год потомственно командиры синих кирасир.

Дом горел очень ярко. Огненно-золотыми тающими хлопьями летали вокруг горящие бумажки.

Мы поняли, что красные покинули Гатчину. Девочка расплакалась: не выдержали нервы, взбудораженный необычайным днем и никогда не виданным жутким зрелищем ночного пожара. Она все уверяла нас, что сгорит весь дом, и вся Гатчина, и мы с нею.

Насилу ее уложили спать, и долго еще она во сне горько всхлипывала, точно жаловалась невидимому для нас, кому-то взрослому».

Мрачные годы

<...> Самым горьким чувством отца было острое ощущение своей ненужности. Художник Билибин в конце 1936 года получил разрешение вернуться на Родину. В разговоре с советским послом В.П. Потемкиным был затронут вопрос о возможном возвращении в СССР самых лучших и достойных людей эмиграции. Говорили и о Куприне.

Перед отъездом Билибин пригласил моих родителей к себе в гости. Сидя за столом, он много с восторгом говорил о Советском Союзе и о причинах, побудивших его вернуться домой.

Отец вдруг ожил, весь заговорился и воскликнул: «Боже, как я вам завидую!» Билибин спросил отца — почему же он не последует его примеру? Но отец остро чувствовал свою вину перед Родиной, переживал свой отъезд и некоторые статьи, написанные под влиянием первых лет эмиграции. Он не мог поверить в возможность возвращения.

Билибин предложил взять на себя все предварительные переговоры в посольстве. Вернулись домой родители очень возбужденные. Я помню, как они оба сели ко мне на кровать и стали советоваться. Я видела, как помолодело лицо отца и как в его часто безразличных, помертвевших глазах зажглись искорки <...>

Очень скоро разрешение вернуться на родину было получено, все визы были оформлены.

<...> Корреспондент парижских «Последних новостей» несколько раз звонил мне, допытывался о подробностях отъезда, старался узнать мое настроение и мои планы на будущее. Я ему сказала, что в ближайшем будущем собираюсь поехать вслед за родителями.

В одной из своих статей он вспоминает слова Куприна:

«Умирать нужно в России, дома, — сказал он тихо, — так же, как лесной зверь, который уходит умирать в свою берлогу.

Скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая. Есть люди, которые по глупости или от отчаяния утверждают, что и без родины можно, или что родина там, где ты счастлив <...>

Мне нельзя без России. Я дошел до того, что не могу спокойно письма написать туда, ком в горле».

Корреспондент заключает: «Исполнилось всегдашнее желание Куприна».

На Родине

По словам свидетелей, отец часто плакал. Его все трогало — и русские дети, и запах Родины, и, в особенности, внимание к нему советских людей.

Писатель Телешов вспоминает: «В доме отдыха Литфонда в августе 1937 года был организован товарищеский прием красноармейцев Пролетарского дивизиона. Приехало человек двести. Наготовили им ватрушек, квасу, всякой сдобы, ягод, что было исключительно только «свое» и ничего купленного. Сад был празднично убран. Везде флажки, букеты и плакаты с девизами и стихами. Гости пришли с маршем и песнями. Пели, играли в горелки, плясали взапуски. Некоторые из бывших здесь писателей читали новые стихи, как Лебедев-Кумач, Маркиш, Лахути. В ответ на это красноармейцы читали свои произведения. Было весело и радостно. На этот праздник приглашен был и Куприн. На игровую площадку вынесли ему кресло, усадили с почетом, и он сидел и глядел на все почти молча. К нему подходили иногда военные, говорили, что знают и читают его книги, что рады видеть его в своей среде. Он кратко благодарил и сидел в глубокой задумчивости. Некоторым казалось, что до него как будто не доходит это общее товарищеское веселье <...> Когда же отъезжающие красноармейцы выразили уже громко как писателю свой прощальный привет, он не выдержал. То, что в этот день пережил он молча и, казалось, безучастно, вдруг вырвалось наружу. — «Меня, великого грешника перед родиной,

сама родина простила, – заговорил он сквозь искренние горячие слезы. – Сыны народа — сама армия меня простила. И я нашел, наконец, покой».

<...> Александр Иванович Куприн умер 25 августа 1938 года. Моя мама погибла во время блокады Ленинграда пять лет спустя. Оба они покоятся рядом на Волковом кладбище. Это своего рода музей. Первым погребен здесь писатель-бунтовщик Александр Николаевич Радищев в 1802 году. Каждое имя на памятниках принадлежит прошлому, настоящему и будущему. <...>

Вот высокий конус, похожий на «черного человека» — Леонид Андреев. Они часто ссорились с отцом. Вот задумавшийся над стопкой книг Н.К. Михайловский, на именинах которого полюбили друг друга мой отец и мать. А вот Мамин-Сибиряк с дочерью Аленушкой, а внизу под памятником скромная доска: Мария Морицовна Абрамова. Это моя родная тетка, сестра моей матери и мать Аленушки, для которой писались чудесные сказки. И.К. Гарин-Михайловский, о последней трагической встрече с которым мой отец написал очерк. С.А. Венгеров, А.Н. Будищев, забытый сейчас писатель, сосед и друг Куприна по Гатчине.

Здесь и старшее поколение великих мастеров: Тургенев, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Успенский, Лесков, Кони. Добролюбов перед смертью попросил похоронить его рядом с Белинским, и вот уже более ста лет их два памятника окружает общая чугунная ограда.

Мои прогулки не грустные, здесь столько бессмертных. Каждый оставил для потомства часть своей души, своего таланта и ума.

И я знаю, что и мой отец жив, жив в своих книгах, стоящих на полках миллионов советских людей.

Москва, 5 декабря 1968 г.